

КУСТАА ВИЛКУНА (Хельсинки)

О ПОЛОЖЕНИИ ФИННО-УГОРСКОЙ ЭТНОГРАФИИ (ЭТНОЛОГИИ) В ДАННОЕ ВРЕМЯ

Область, задачи и методы финно-угорской этнографии были определены крупным финским лингвистом Э. Н. Сетяля в его докладе¹ на годовом собрании Финно-угорского общества 2 декабря 1911 года. Надо полагать, что интерес Сетяля к этой теме был вызван, во-первых, его ознакомлением с небольшой книжкой Альфреда Корта Хаддона (Alfred Cort Haddon) 1904, вышедшей в том же году в шведском переводе К. В. Хартмана (C. V. Hartmann) под названием «Etnologien, dess mål och uppgifter». Оригинал был опубликован еще в 1904 г. в протоколах всемирной выставки в Сент Луисе, а затем, спустя два года эта же статья была издана отдельной книжкой под названием «Ethnology, its scope and problems». Во-вторых, пробуждение интереса Сетяля к указанной теме было связано с выходом в свет диссертации Уно Таави Сирелиуса «Ueber die Sperffischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern» (Helsinki 1906) и его же исследования «Über die primitiven wohnungen der finnischen und ob-ugrischen völker» (FUF VI 1906, VII 1907, VIII 1908, IX 1909, XI 1911). В своих исследованиях Сирелиус сумел показать специфику финно-угорской этнографии и ее возможности. При разработке материалов он применял типологический метод, т. е. историко-генетический метод, основывающийся на принципе эволюционизма. Своей конечной целью Сирелиус имел выявление построек и рыболовных оградительных сооружений предков современных финно-угров путем показа генетического развития этих элементов культуры у отдельных финно-угорских народов.

В 1897—1898 годах учителем и товарищем по исследовательской работе Сирелиуса был молодой венгерский этнограф Янош Янко (János Jankó). Этот ученый был по первоначальной своей подготовке географ. «С педантичностью учителя, — пишет Сирелиус в некрологе этого исследователя, скончавшегося в возрасте 35 лет, — он анализировал свой сравнительный метод, путем которого он стремился проследить развитие этнографических элементов нашего рода с низшей стадии, на которой находились остяки, через промежуточные стадии до самых развитых стадий, которые представляли мадьяры и финны. В целях создания истории этнографии наших народов им были собраны среди всех финно-угорских племен сотни и тысячи иллюстраций, разбитых по сериям. Эти иллюстрации, на которых перед нашим взором предстают древние и заимствованные формы различных элементов культуры, ха-

¹ E. Setälä, L'éthnologie et son objet. — JSFOu XXIX,зб 1915, стр. 3—23.

рактизируют рыболовство, охоту, скотоводство, земледелие, ручной труд женщин и мужчин, украшения и прочее».²

В своем докладе Сетяля подверг научные категории Хаддона довольно резкой критике. Однако цели и методы, изложенные Хаддоном, не дали Сетяля повода к замечаниям. Иначе говоря, Сетяля примкнул к линии английского культурно-антропологического направления, которая благодаря посредничеству Эдварда Вестермарка была уже ранее известна и общепринята в Финляндии. Это же направление повлияло на Янко в бытность его в 1890—1891 годах в Англии и Франции. Во время этих путешествий географ Янко и стал этнографом.

Под этнографией, в широком смысле этого слова, Сетяля понимал науку «о культуре, созданной человеком в качестве члена общества (семьи, племени, народа)». Но «на практике, — замечал он, — этнология ограничивается исследованием так называемой примитивной культуры». Однако никакой существенной границы между примитивной и более развитой культурой нет, ввиду чего грань между этнографией и историей культуры весьма зыбка. Сетяля считал, что на практике эти отрасли науки четко размежеваны, так как «этнология в первую очередь стремится вести исследование в области зарождения культуры человека». К области этнологии Сетяля относил также археологию, представляющую собой этнографию древнейших времен, т. е. изучение раскопочных материалов, социологию, «которая занимается изучением развития явлений в совместной жизни людей, стремясь пролить свет на зарождение и развитие человеческого общества», и филологию, или «исследование языка и, в частности, памятников языка, в целях определения их культурного значения». В сферу последней он включил также фольклор.

Право на существование финно-угорской этнографии как особой дисциплины он обосновывал так: «Тот факт, что ряд народов в настоящее время говорит на том или ином финно-угорском языке, восходящем к общему финно-угорскому языку-основе, достаточно убеждает нас в том, что эти народы унаследовали и вынесли из эпохи языковой общности наравне с языком и другие элементы культуры. Исследуя эту культуру, частью которой является язык, мы желаем содействовать постепенному познанию истории человека, человека, стремящегося к господству над природой, жаждущего культуры». Сетяля высказал мысль о том, что это родство финно-угорских и самодийских языков откроет возможность заглянуть во мрак седых веков значительно глубже, чем теперь, когда используются лишь данные финно-угорской этнологии. «Следуя этим путем, мы сумеем внести значительный вклад в общую этнологию и в науку о человеке вообще», — добавил он.

Методических вопросов Сетяля почти не затрагивал. Он лишь заметил: «Для нас, следовательно, ясно, что эту работу, в целях достижения результатов, поскольку таковые вообще достижимы, следует прежде всего проводить в рамках частных исследований, которые охватывали бы небольшие этнические группы. Одновременно необходимо зорко следить за настоящими и грядущими нуждами и потребностями историко-генетической исследовательской работы, не упуская никогда из виду больших и общих целей этой работы». В области истории материальной культуры — так Сетяля определял этнографию, — по его мнению, следовало пользоваться, исходя из качества самого исследуемого материала, типологическим методом. Наиважнейшей задачей тогдашнего поколения он считал сбор материалов: «За нашим поколе-

² U. T. Sirelius, János Jankó 13/III 1868—28/VII 1902. — Suomen Museo 1902, стр. 35.

нием стоит работа по спасению материалов, без наличия которых этнография не сможет прийти к своим целям».

Большое внимание уделено докладу Э. Н. Сетяля по двум причинам: своим докладом Сетяля подготовил теоретическую основу к учреждению кафедры финно-угорской этнографии при Хельсинкском университете, а во-вторых, установки Э. Н. Сетяля и У. Т. Сирелиуса в этих основных вопросах вполне совпадали. Можно сказать, что ведущие этнографы Финляндии еще в 10-х годах XX века придерживались эволюционистической точки зрения примерно в тех ее рамках, которые для принципа эволюционизма были установлены и в течение 60-х годов XIX века в различных связях уточнены основателем этого этнографического исследовательского направления немецким ученым Адольфом Бастианом. Согласно этой установке предки современных финно-угров имели свой культурный центр развития, который подобно органической особи рос и креп в течение ряда столетий. Весьма ярко эта точка зрения выступает во введении ко второй части обширного труда Сирелиуса «Suomen kansanomaista kulttuuria» (1919 г.). «Изучение финно-угорской этнографии, — пишет автор, — имеет большие возможности, так как народы, являющиеся его объектом, стоят на разных ступенях развития: быт народов, находящихся на более низких ступенях развития, проливает свет на ранний быт более развитых народов» (стр. 16). О методе исследования в этой связи он пишет следующее: «При исследовании материальной культуры в этнографии, как и в археологии, применяется типологический метод: различные формы одного и того же предмета занимают свое место в эволюционном ряде, серии данных предметов в порядке их предполагаемого смежного развития. При определении давности того или иного предмета, типа, руководствуются обычно тем общепринятым критерием, согласно которому более развитый тип — младше, а менее развитый, т. е. более примитивный — старше». Немного ниже Сирелиус продолжает: «После того, как предметы разных народов, являющихся потомками общих предков, а следовательно и носителями общих культурных традиций, будут упорядочены внутри своих рядов развития, можно будет порой убедиться в том, что тот или иной ряд (серия) предметов одного народа представляет собой продолжение или начало подобной же серии другого народа или, что серии предметов, которые принадлежат разным народам, находящимся между собой в дальнем родстве, соответствуют друг другу». Этот метод, кажущийся весьма удобным и понятным даже неспециалисту, относился, следовательно, к материальной культуре, которой и было отведено на профессорской кафедре финно-угорской этнографии, основанной в 1921 году, центральное место. Однако применение этого метода при изучении этнографических материалов не оказалось столь удобным и убедительным, как в археологии. Потребовались так называемые пережиточные элементы (survivals), с помощью которых ряды развития пополнялись или же при помощи которых в случае необходимости слишком «примитивные» формы объяснялись. Такие ряды зачастую укомплектовывались путем произвольного подбора необходимых частей, вследствие чего эти частицы, формы одной и той же серии могли территориально значительно отстоять друг от друга. Без особого труда делались, например, сопоставления между способом ловли лосося, известном в Тэнойоки, и ловлей, имевшей место на одном из притоков Оби, а затем на основании этих данных приходили к выводам, указывавшим на якобы отдаленную древность подобных способов ловли. Однако в названных случаях догадки о рядах развития часто на поверку не соответствовали действительности. Будучи, однако, здорово-

мыслящим и пытливым исследователем, Сирелиус обратил внимание и на культурные заимствования. В указанном выше введении он уже упомянул о том, что нельзя упускать из виду методическую возможность проникновения того или иного явления из культурных центров, находящихся за пределами тех территорий, которые заняты исследуемыми народами. Особенно во второй части своего труда Сирелиус при рассмотрении местных явлений все чаще относит их к числу культурных заимствований либо из круга высших сословий, либо из-за рубежа. Таким образом Сирелиус как бы проводил в жизнь теорию культурных заимствований Фр. Ратцеля (Fr. Ratzell) в противовес эволюционной теории Бастиана; следует, однако, иметь в виду, что в Финляндии, как и в странах Скандинавии, ученые воздерживались от создания особых «школ», которые согласно выработанным схемам предreshали бы решение того или иного вопроса этнографии. Тут же уместно отметить, что, например, указанная выше точка зрения относительно заимствования некоторых явлений культуры была общепринята и широко применялась среди археологов северных стран еще задолго до боевого клича Ратцеля; это же понимание вещей было хорошо известно и другим ученым, в частности — лингвистам.

Постепенно Сирелиус освобождался от сковывающе действующих теорий. Мне он подал лишь один методический совет, но этот совет был хорошим, к тому же он отлично характеризует творческую деятельность Сирелиуса в последние годы его жизни. Он мне сказал: «Работа — лучший советчик». Весьма характерна для исследовательского профиля и научного развития Сирелиуса его последняя статья от 1929 года.³ В ней он подчеркивал наряду с ролью древней вертикальной традиции значение географических факторов и культурных заимствований. Здесь же мы читаем следующие его размышления: «Совершенно непредвиденно этнограф сталкивается с удивительными фактами, как, например, случилось с автором этих строк, когда ему довелось заполучить южношведский головной платок, который поразительно напоминал карельское головное полотенце. Чем это объяснить? Каким образом шведский платок и карельское полотенце находятся в родстве между собой? Где находится центр этих «странствующих» вещей?» Для понимания этих вопросов Сирелиуса необходимо указать на то, что он еще в 1915 году сравнивал карельское головное полотенце с головными уборами, обнаруженными в муромских могильниках XI века на нижнем течении Оки; более раннюю ступень этих головных уборов представляют собой уборы у обских угров.

Таким образом, с ясного последовательного пути пришлось сбиться на извилистые тропинки. Преждевременная смерть Сирелиуса была колоссальной потерей: он умер в 1929 году, во цвете лет, не успев завершить даже анализа своих обширных исследований.

Не углубляясь в вопросы метода, которые были мною уже ранее затронуты в иной связи⁴, с позиции типологии, функции и целесообразности (1935 и 1950 гг.), и по поводу которых Берталаном Коромпаем⁵ был недавно высказан ряд возражений, достойных внимания,

³ U. T. Sirelius, Suomalais-ugrilainen kansatiede. — Valvoja-Aika 1929, стр. 112.

⁴ K. Vilkuна, Kansatieteellisistä alueista. — Vir. 1938, стр. 310—321; L'éthnographie finno-ougrienne cherche sa voie. — Laos I 1951, стр. 48—57.

⁵ B. Коромпай, Die Bogenfalle bei den Finnougriern auf dem Wege aus Sibirien nach Europa und in den südlichen Verbreitungsgebieten. AEHung. III 1953; стр. 23—90; A «finnugor régészeti» östörténeti tanulságai. — NyK LIV 1953, стр. 1—14; Hozzászólások Lakó György előadásához. — NyK LVIII 1956, стр. 44—49; Die finnisch-ugrische Ethnologie. — ALHung. X 1960, стр. 131—142.

нам следовало бы подыскать ответ на вопрос, существует ли особая финно-угорская этнография и, если таковая существует, то как нам надо понимать ее настоящие задачи и ее рамки.

Финно-угорская этнография родилась как дисциплина, параллельная финно-угорскому языкознанию. При этом исходные соображения по этому поводу были следующие: поскольку у нас имеется налицо исконное языковое родство, то должно существовать и древнее культурное родство. Тут, конечно, следует вспомнить, что явления культуры региональны, границы их распространения редко совпадают с языковыми границами. Важными же границами распространения явлений культуры являются географические, коммуникационные, религиозные и административные. Эти границы не относятся к языку. Явления этнологические, связанные с каждодневным изысканием человеком средств к существованию, с его хозяйством и социальным поведением, зависят в большой мере от окружающей среды и сложившихся местных и исторических условий. Тот факт, что народы, говорящие на финно-угорских языках, живут столь разбросано, в большом отдалении друг от друга и в самых различных географических условиях, заставляет усомниться в существовании особого финно-угорского культурного родства, как такового. Допуская наличие такого родства, его следует отнести к самому примитивному и одновременно тончайшему культурному пласту; причем распространяется он не только на финно-угорские народы. Предполагаемый прафинно-угорский народ был весьма малочисленным, жил он в каменном веке; затем в течение тысячелетий его потомки втягивали в свой круг и ассимилировали группу соседних племен, говоривших на неродственных языках; об этих племенах у нас не имеется ни малейшего представления.

Из числа финских ученых первым публично отметил отсутствие общего финно-угорского культурного развития рано умерший этнограф Илмари Маннинен, который глубже, чем кто-либо из финских исследователей, был знаком с финно-угорскими коллекциями в Финляндии, Эстонии, Советском Союзе и в Венгрии и который побывал также в соседних с названными странами. Издавая в свет в 1934 году общий обзор «материальной культуры» (Sachkultur) финно-угорских народов, он во введении писал: «Финно-угорское родство констатируется на базе языкового родства. Путем же констатации этнографических данных общая основа финно-угорских народов не подтверждается. Если мы начнем сравнивать культуру финнов и эстонцев, этих двух народов, столь близких друг другу по языку, то мы заметим, что их народная культура носит достаточно разный характер. Еще дальше, естественно, отстоят друг от друга народы, обитающие далеко друг от друга. Нам, например, трудно заметить в материальной культуре мордвы что-нибудь такое, что было бы особенно характерным для финского племени, что встречалось бы и у других родственных нам народов, отсутствуя при этом в той же форме у чужих народов. Древние общие элементы культуры, на основе которых можно было бы соединить воедино западные и восточные финно-угорские народы, можно найти лишь в той части народной культуры, которая принадлежит к самому примитивному культурному пласту. Но и тут, как правило, невозможно подметить явления, которые бесспорно принадлежали бы исключительно финскому племени. Если же иметь в виду более высокие элементы материальных достижений, то становится очевидным, что между западом и востоком пролегает лагуна, которую трудно заполнить. Как известно, одежда и орнамент, сельскохозяйственные орудия, постройки, орудия производства наших восточных родичей в сильной степени отличаются от соответствующих элементов культуры прибалтийских финнов; это

различие становится особенно явным, если мы обратим внимание на материальную культуру финнов и эстонцев, которые долгие годы остальных западных финских народов испытывали на себе сильное воздействие германцев и среди которых ассимилятивное влияние со стороны русских не было столь ощутимо, как среди других прибалтийских финнов. Именно русское влияние является важным фактором в том, что у родственных нам народов, проживающих далеко друг от друга, имеются хотя бы в такой степени общие культурные элементы. На культуре обских угров, финнов Поволжья и вотяков лежит, кроме того, отпечаток их соседства с тюрко-татарскими народами; некоторые общие элементы их культуры объясняются именно этим соседством. В материальной культуре зырян трудно заметить присутствие тюрко-татарских заимствований, однако в ней явственно выступают русские черты, а севернее отчасти и самодийские, как и среди угров за Уралом»⁶.

Так писал Илмари Маннинен. — Однако его концепция не нашла особой поддержки в Финляндии, наоборот, здесь были приложены все усилия к выявлению «финно-угорских элементов». Отчасти исходя из этого, мною и была опубликована в журнале «*Virittäjä*» полемическая статья, в которой я, возможно, и в слишком острой форме подверг критике результаты более ранних исследований. Я писал: «Мне кажется, что мы наконец можем не стесняясь сказать, что история и происхождение любого явления, предмета, обычая или верования в финской народной культуре невозможно установить путем изучения их исключительно в финно-угорской перспективе. Используя методы лингвистики, мы, правда, иногда углубляемся далеко в прошлое по финно-угорской линии и в состоянии проследить историю некоторых этнографических вопросов, но нам необходимо постоянно помнить, что зоны распространения явлений культуры не совпадают с национальными границами, а пути передачи элементов культуры не влияют на языки.»⁷

Эта статья примыкала к докладу, прочитанному мною еще в 1934 году. В этом докладе я особо подчеркивал, что любое этнографическое явление необходимо сначала возможно детально исследовать в своем родном окружении, затем следует определить его общий район бытования, выявить всесторонне возможные местные исторические данные, а затем с особой тщательностью изучить функциональные данные, освещающие целесообразность исследуемого явления. Лишь проделав это, этнограф может начать сопоставление этого явления с соответствующими явлениями, бытующими в кругу того или иного другого народа, будь этот народ даже родственник по языку.⁸

Такое подготовительное региональное исследование чаще всего приводило к тому, что на проверку эти явления и не оказывались пригодными для прямолинейного сопоставления. Почти всегда оказывалось, что исследуемое явление представляло собой либо международное культурное заимствование или же определенную местную особенность, для объяснения чего необходимы все данные о функциях этого явления и о его среде. Развивая эту мысль в 1946 году, я особо подчеркивал первостепенную важность полевых работ и материалов, собираемых на местах, в своей стране.

Целью этой критики не являлось да и теперь не является желание отодвинуть финно-угорскую этнографию на второй план, лишить ее права на существование. Эта критика преследует совершенно иные

⁶ I. Manninen, Suomen suku III. Johdanto, Helsinki 1934.

⁷ K. Vilkuна, Kansatieteellinen tutkimuksemme. — Vir. 1946, стр. 353—355.

⁸ K. Vilkuна, Kansatieteen tutkimuskohteista ja -menetelmistä. — Vir. 1935, стр. 333—341.

цели. Нам необходимо более четко отмежевать этнологию от языковых территорий и указать на ее связь с географическими и историческими территориями. Тогда в сферу финно-угорской этнографии войдет вся северная часть Восточной Европы и исследовательская работа не сможет базироваться исключительно на народах, говорящих на финно-угорских языках; будет необходимо обращать внимание на соседей этих народов на западе, на востоке и юге, прежде всего в их центре, иначе говоря в поле зрения окажется вся Восточная Европа. На этой территории имеется много интересных групп, каждая из которых образует свою собственную, отдельную область, разделяющуюся в свою очередь на более мелкие районы. Территорию прибалтийских финнов можно разделить по крайней мере на три района: 1. Финляндия, исключая Лапландию, в культуре этого района заметно, помимо древнего германского и славянского влияния, значительное скандинавское напластование; 2. Восточная Карелия, где в культуре карел и вепсов наблюдаются древние следы русского и византийского культурных центров, совершенно так же, как в Финляндии и других странах Севера заметен ряд древних явлений, унаследованных из культурного центра древнего Рима; 3. Прибалтика, где ярко проступает влияние средне-европейской культуры. Финляндия, в свою очередь, подразделяется на Восточную и Западную Финляндию; Юго-западная Финляндия (Варсинийс-Суоми) в сильной мере отличается от остальной Западной Финляндии. Подобное же разделение на районы можно провести и в Эстонии, представляющей собой хорошо изученную территорию с богатыми, уже собранными материалами.

Местные культурные районы намечаются также и на территориях, где проживают остальные финно-угорские народы. Самой важной задачей в настоящее время является систематический сбор материалов на местах, их проверка и сличение в целях установления области распространения различных явлений. Эта работа успешно проводится многочисленными советскими этнографическими экспедициями в широких масштабах. В Венгрии, Финляндии и Советской Эстонии работы по сбору материалов продвинулись уже далеко. По завершении этих работ перед нашим взором предстанет пестрая, но чрезвычайно любопытная картина целого ряда явлений, районы распространения которых будут скрещиваться и пересекать в разных направлениях границы языковых территорий, уходя на территории соседних народов. Перед нами раскроется карта с обозначением явлений, зафиксированных в народной культуре Восточной Европы. На этой карте теперешние границы, обозначающие разные языки и национальности, будут пересечены линиями границ культуры. Одновременно мы увидим, что культурная область Восточной Европы тесно смыкается с этнологической культурной областью всей Европы.

Поскольку народные культурные явления представляют собой прежде всего местные, региональные явления (схожий же язык может звучать где угодно, независимо от внешних условий), возникает вопрос, не целесообразно ли нам отказаться от наименования финно-угорская этнография и заменить его территориальным названием «этнография северной части Восточной Европы». Ответу на этот вопрос, не колеблясь, отрицательно.

Во-первых, я должен сослаться на традицию. Корни славных традиций финно-угорской этнографии уходят гораздо глубже, чем я в начале этого доклада указывал, назвав Э. Н. Сетяля, Яноша Янко и У. Т. Сирелиуса. В этой связи мне хочется упомянуть о ранней деятельности Императорской Академии Наук и назвать таких венгерских

ученых, как Анталь Регули (1819—1858) и Паль Хунфальви (1810—1891), а из финских ученых — А. Й. Шегрен (1794—1855) и М. А. Кастрен (1813—1852). Представители этой науки были замечательными путешественниками и передовыми учеными, внесшими ценный вклад в сокровищницу познания человека. Все они были гуманисты; некоторые из них были наделены чертами романтиков, однако националистическая деятельность была им чужда.

Во-вторых, у нас, исследователей, работающих в этой области науки, имеются под руками в Венгрии, Финляндии и Советском Союзе собранные нашими предшественниками коллекции и материалы, более доступные, богатые и ценные, чем у исследователей, находящихся от них на известном отдалении; дело, естественно, не только в том, что мы территориально ближе к названным сокровищницам, но и в том, что нам помогают и смежные науки, а именно финно-угорское языкознание и археология.

Третья причина, и я бы сказал, причина первостепенной важности, — это наши финно-угорские языки. Это отнюдь не противоречит сказанному мною ранее относительно региональности этнографии и ее самостоятельных позиций. И даже, если мы будем подчеркнута исходить из того положения, что этнографические явления не суть продукты «народа» в целом или его языковой общности — «души народа», а что они первоначально представляют собой чисто индивидуальные изобретения, достижения и решения отдельных проблем, которые были сначала усвоены ближайшим окружением, а затем получили больший круг применения, что происходило по различным причинам, как, например, благодаря превосходству того или иного культурного явления, благодаря его эмоциональной насыщенности или же какой-либо ярко выступающей особенностью или же по той или иной необходимости, то и то мы не в праве оставить без должного внимания языковую сторону явления культуры.

Индивидуальное изобретение или то или иное явление культуры входит в поле внимания этнографии лишь с момента превращения его в традицию, т. е. когда оно приобретает нормативное значение. При этом подобное явление имеет обычно, во всяком случае, если оно является древним явлением культуры, свое обозначение и в языке. Поэтому мы не можем представить себе этнографическую исследовательскую работу, которая оставила бы без внимания языковую сторону культурных явлений. «Das Wort ist nämlich konservativer als die Sache, und bewahrt das Andenken älterer Zeiten», — удачно замечает Берталан Коромпай. Лексема, наименование вещи, дает второй член уравнения и помогает в решении проблемы. Однако этнография не должна идти на поводу у языкознания. И как я уже говорил, этнограф подходит к решению проблем с иных позиций, чем языковед. Круг распространения явления, его подробное вещественное содержание, его функции и связи служат отправными пунктами, к которым присоединяются данные о времени и о том, из каких социальных пластов или кругов каждое исследуемое явление происходит. «Время, место и социальное распределение образуют три измерения этнологии» — так Сигурд Эриксон (Sigurd Erixon) охарактеризовал основные требования, предъявляемые современной европейской этнологии.⁹ Современная этнология не в праве сопоставлять две совершенно различные территории или две различные социальные группы, так как в подобном случае этнолог оказался бы перед лицом двух различных измерений. В лингви-

⁹ S. Erixon, *Ethnologie régionale ou folklore*. — Laos I 1951, стр. 9—19.

стике опять-таки даже самые отдаленные структурные и лексические сравнения занимают, независимо от расстояния и отличных социальных соотношений носителей того или иного языка, центральное место. В финно-угорской этнографии отправными территориальными пунктами являются те районы, в которых в настоящее время говорят на этих языках, однако изучение не должно ограничиваться только этими районами; одинаково важны и смежные районы, ибо лишь знакомство с ними сможет пролить свет на зарождение, давность и направление распространения того или иного явления культуры. Они могут также указать на более ранние места пребывания интересующих нас народов.

В-четвертых, финно-угорские народы образуют, как финскими учеными Сетяля, Сирелиусом, Манниненом и Тойво Вуорела¹⁰ было подчеркнуто, совершенно своеобразную этническую группу на сравнительно небольшой территории; что дает этнографу возможность уяснить себе, какими путями шло развитие культуры народов, населяющих ту или иную часть этой территории, под влиянием различных природных условий, исторических событий, господствующих классов, торговли и соседних народов, различного вероисповедания, а также под влиянием своей собственной творческой силы. Этнограф уже не может, сравнивая между собой различные народы, утверждать, что эти народы в настоящее время представляют собой различные степени культурного развития, которые можно поместить одна за другой в единый ряд развития, так как каждый народ имеет свой собственный ряд развития, свое особое прошлое. Нельзя, следовательно, утверждать, что венгры в далеком прошлом имели такую же культуру, как обские угры еще в недавнее время. Нам следует исходить из того, что переселение со старого местожительства в новое окружение придало развитию обеих культур свое собственное направление.

Этнографу необходимо в первую очередь следить и выяснять как раз вот эти фазы развития и приспособления, а также уяснять, как различные факторы придают местным традициям новые черты, как они формируют местную народную культуру и постепенно придают ей тот вид, то обличье, в котором она предстает перед нами. Если бы в Венгрии, в Финляндии, в различных частях Советского Союза можно было бы одновременно взяться за изучение однородных проблем, которые были бы затем в каждой стране отдельно рассмотрены и решены и наконец подвергнуты сообща сравнению, то это являло бы собою крупную научно-исследовательскую победу и обогатило бы не только финно-угорскую этнографию, но и всеобщую историю культуры. В Советском Союзе в этот цикл исследований можно было бы включить изучение народной культуры ряда небольших языковых островков иного происхождения, в первую очередь таких, которые расположены в непосредственной близости к финно-угорским народам. Осуществление такой задачи стало бы крупным шагом вперед в деле нашего плодотворного сотрудничества.

Финно-угорская этнография нуждается в тесном сотрудничестве также с представителями смежных наук: антропологами, археологами и лингвистами. Этого требует решение наших наиважнейших проблем, связанных с древними местами расселения финно-угорских народов и с их более ранним этническим составом. Единственная весомая реальность, которой мы располагаем в данный момент, — это финно-угорские языки, а также сведения об антропологических признаках носителей указанных языков. Как эти языки и народы возникли? Каким

¹⁰ T. Vuorela, Suomensukuiset kansat. (= Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 264), Helsinki 1960, стр. 5—6.

этническим и языковым ассимиляциям они подвергались? В какую антропологическую группу более давние финно-угорские племена входили? Каким было их самостоятельное развитие? Какие древние восточно-европейские виды культуры принадлежали финно-уграм? На эти вопросы можно получить удовлетворительные ответы только в тесном сотрудничестве с представителями других областей науки. Несомненно, что во всех областях науки предстоит еще много детальной работы, прежде чем можно будет приступить к общему большому синтезу. В этом отношении мы не топчемся на месте: работа кипит в разных странах и культурных центрах.¹¹

KUSTAA VILKUNA (Helsinki)

DIE FINNISCH-UGRISCHE ETHNOLOGIE HEUTE

Gebiet, Aufgaben und Methode der finnisch-ugrischen Ethnologie definierte der finnische Sprachwissenschaftler E. N. Setälä anlässlich eines in der Finnisch-Ugrischen Gesellschaft im Jahre 1911 gehaltenen Vortrages.

Die finnisch-ugrische Ethnologie ist als Parallele zur finnisch-ugrischen Sprachwissenschaft entstanden. Man ist davon ausgegangen, daß, wenn einmal eine alte Sprachverwandschaft besteht, auch eine alte Kulturverwandschaft vorhanden sei. Jedoch darf man einen Umstand von grundlegender Bedeutung nicht vergessen: die Grenzen der Verbreitungsgebiete der Kulturerscheinungen entsprechen nur selten den Sprachgrenzen. Wichtige Grenzen ihrer Verbreitung sind dagegen die geographischen, verkehrsmäßigen, religiösen und verwaltungsmäßigen Grenzen. Also muß die finnisch-ugrische Ethnologie in enger Zusammenarbeit mit den Vertretern der verwandten Wissenschaften, den Anthropologen, Archäologen und Sprachwissenschaftlern stehen. Die einzige sichere Realität sind für uns heutzutage die finnisch-ugrischen Sprachen sowie die Angaben über die anthropologischen Eigenschaften der diese Sprache sprechenden Menschen. Auf den verschiedenen Gebieten muß noch reichlich Detailarbeit geleistet werden, ehe man eine große Synthese in der Frage nach den frühesten Wohnsitzen der finnisch-ugrischen Völker und der frühesten ethnischen Beschaffenheit versuchen kann.

¹¹ С положениями, содержащимися в данной статье, автор выступил на Международном конгрессе финно-угроведов в Будапеште в 1960 году (см. *Congressus internationalis fennougristarum Budapestini habitus* 20—24. IX. 1960, Budapest 1963, стр. 309—318).